

В. Г. Белинский

**Семейство, или
Домашние радости
и огорчения....**

Виссарион Григорьевич Белинский

Семейство, или Домашние радости и огорчения. Роман шведской писательницы Фредерики Бремер...

«...И однако ж Фредерика Бремер не буквально повторила собою Августа Лафонтена: она, как бы против воли своей, принуждена была сделать значительную уступку духу времени: в заглавии ее романа стоят не одни «радыости» семейные, но и «огорчения». А! так эта утопия имеет и свои огорчения, даже в романах! Прочтите роман г-жи Бремер – и то ли еще увидите!...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0016

**Виссарион Григорьевич
Белинский**
**Семейство, или Домашние
радости и огорчения. Роман
шведской писательницы
Фредерики Бремер...**

*СЕМЕЙСТВО, ИЛИ ДОМАШНИЕ РАДО-
СТИ И ОГОРЧЕНИЯ. Роман шведской
писательницы Фредерики Бремер. Пере-
вод с подлинника. Санкт-Петербург.
1842. В типографии Фишера. В 8-ю д. л.
741 стр.*

Вот роман, который более года тянулся в «Современнике»... Из всех наших журналов «Современник» самый почтенный, самый безукоризненный. Он напоминает собою то блаженное время русской литературы и русской журналистики, о котором осталось теперь одно предание, как о золотом веке, и в котором люди любили литературу для литературы, видя в ней сколько невинное, столько же и благородное препровождение времени. Тогда, как в век Астреи[1], сочинения не продавались и не покупались; напротив, сами авторы готовы были платить деньги за честь видеть свои творения напечатанными в журнале. Полемики не было; вместо ее царствовала любезность самого лучшего тона[2]. Писали стишки к «милым» и «прекрасным». В литературе не подозревали никакого отношения к обществу и не вносили в нее никаких вопросов, не касающихся до «прелестных» или до мирной сельской жизни на берегу ручья, под соломенную кровлю, с милою подругою и чистою совестью. Но против духа времени и его движения идти нельзя, – и «Современник», конечно, много разнится от жур-

налов старого доброго времени. Во-первых, он издается изящно, а они издавались неопрятно; он существует инкогнито[3] по доброй воле, а те существовали инкогнито по недостатку в публике и в читателях, которые играли с ними в гулочки. Видите ли – никакого сходства! Но «Современник» сохранил эту свойственную журналам старого доброго времени бескорыстную любовь к литературе, как невинному и благородному занятию, в самом себе имеющему свою цель. И потому он идет себе своею дорогою, с полным сознанием своего достоинства. И по наружности и по внутреннему содержанию, между всеми другими журналами «Современник» – то же, что аристократ между плебеями. Он ни с кем не бранится, ни с кем не спорит, ни на кого не нападает (разве только изредка на какой-нибудь *иностраный* журнал, не умеющий ценить сочинений такого-то или такой-то), ни против кого не защищается. О нем многие говорят, иные порицая, другие хваля его, но он ни о ком не говорит, кроме «Звездочки»[4], журнала для детей, тоже почтенного и безукоризненного. У него свой круг предметов, свой

мир видения, – в особенности Финляндия и ее литература, – и по этой части г. Грот снабжает его поистине превосходными статьями[5]. В числе его отделов есть и библиография, которой короткие, но многозначительные отзывы многих приводили в раздумье[6]. У него своя философия, – и по этой части г. Петерсон снабжает его удивительными статьями[7]. У него все свое – поэты тоже. В «Современнике» изредка раздаются нестареющиеся звуки лиры Жуковского; в нем допеваает свои последние песни г. Баратынский; сверх того, в нем постоянно являются розовые мечты, радужные фантазии и сладостные чувства, облеченные в неподражаемый стих. В этом нет ничего удивительного, потому что все это показывает только изящный вкус «Современника». Так же точно оригинален и самобытен «Современник» в отношении к изящной прозе, украшающей его страницы, вольно и широко раскидывающиеся строками, без тесноты и давки, свойственной плебейской экономии[8]. У него свои повести, как и свои стихи. Бывало, изобильно снабжал его повестями и рассказами Основьяненко: в каждой книжке «Со-

временника» (а тогда он выходил в числе четырех книжек ежегодно) читатели его находили повесть г. Основьяненко, а иногда и две. Видя такую плодовитость малороссийского писателя, даже мы, люди посторонние в отношении к «Современнику», чуть было не поверили достоверности вдруг пронесшегося слуха, будто Основьяненко – первый писатель русский... По в 1842 году нескончаемая нить повестей и рассказов г. Основьяненко вдруг прервалась[9]. Чьи-то повести будет теперь печатать «Современник»? – думали мы, и много думали... однако ж не отгадали. Оставив в покое русские повести, «Современник» еще с конца 1842 года начал печатать роман шведской писательницы Фредерики Бремер

---

*Роман отменно длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный[10].*

Поговорим об этом романе. Он обратил на себя общее внимание, и многие увидели в нем даже колоссальное произведение, тогда как другие ничего ровно не видели. Мы дер-

жались середины между двумя этими крайностями. Прежде всего надо сказать, что г-жа Бремер не лишена свойственной женщинам способности не только хорошо и легко рассказывать, но даже с некоторым успехом очерчивать характеры, которые под силу ее одностороннему взгляду на вещи и ее небогатой фантазии. Основная мысль ее романа та, что счастье заключается только в семейной жизни и человек назначен природою преимущественно для семейной жизни. Мысль, как видите, не лишенная истины, но довольно односторонняя и притом не новая: на ней в конце прошлого и начале нынешнего столетия выехала слава Августа Лафонтена, блаженной памяти. Этот добрый немец также во всяком человеке видел прежде всего мужа или жену, как натуралист во всяком животном прежде всего видит самца или самку. Но прославляемое им блаженство семейной жизни было так мещански идеально, так приторно-сладко, что оно скоро сделалось всем неприятно, как теплая вода, насыщенная медом. Фредерика Бремер не испугалась этого и отважно сделала Августом Лафонтеном нашего века.

Надо согласиться, что она явилась весьма кстати и в то же время весьма некстати: кстати потому, что без такой жаркой защитницы блаженства супружеской и семейной жизни это блаженство сделалось бы теперь столько же сомнительным, как и действительность золотого века; некстати потому, что теперь жениться по склонности и для счастья считается совсем не в тоне, и все решительно женятся для денег и связей, а на детей смотрят как на неизбежное неудобство семейной жизни. Сверх того, в наше скептическое время скорее поверят существованию волшебников и кудесников, чем существованию «счастья». Ему верят теперь только безбородые юноши да мечтательные девы; последние верят жарче первых, но не дальше, как только до замужества; а если они остаются на всю жизнь девицами, то и до гробовой доски верят счастью и мечтают о нем. Это исключительная привилегия старых дев, – да и что им было бы делать на свете, если б они не верили в счастье и не мечтали о нем?.. Фредерика Бремер тем с большим убеждением и большим жаром верит в счастье семейной жизни, что са-

ма имеет ни с чем не сравнимое преимущество быть «девою», и притом уже, кажется, такую, которая годится Минерве в ровесницы не по одному уму. Это очень выгодное обстоятельство для дела, которого адвокатом явилась Фредерика Бремер; блаженство, которое мы знаем только в мечтах, всегда кажется нам лучше, выше, обольстительнее блаженства, которое изведено нами на самом деле. И потому Фредерика Бремер с восхищением, с энтузиазмом описывает счастье семейной жизни, так что вы с первых же страниц тотчас видите, что сочинительница не была, а только желала страстно быть замужем. Это, разумеется, столько же выгодно для романа, сколько вредно для юных читателей, особенно читательниц, и особенно читательниц без приданого; бедняжки сейчас ударятся в розовые мечты о счастии и о *нем*, – и каково же будет их разочарование, когда ни один «он» ни в грош не оценит их прекрасной души, которая, как ни хороша, а все-таки совсем не то, что «души». Каково будет разочарование и тех юных читательниц, которые, с склонностью к мечтательности, владеют и «действи-

тельными достоинствами», то есть приданным? Бедняжки, пожалуй, потребуют от своих мужей любви и счастья, не подозревая, в простоте сердца, что любовь и счастье при деньгах совершенно лишние и даже вредные вещи, как лекарство при здоровье. Сначала им будет больно, а потом они возненавидят все эти романы, которые так добросовестно лгут и так благонамеренно обманывают детей, заранее ставя их в ложное положение к действительности, вместо того чтоб заранее знакомить их с действительностью...

И однако ж Фредерика Бремер не буквально повторила собою Августа Лафонтена: она, как бы против воли своей, принуждена была сделать значительную уступку духу времени: в заглавии ее романа стоят не одни «радости» семейные, но и «огорчения». А! так это утопия имеет и свои огорчения, даже в романах! Прочтите роман г-жи Бремер – и то ли еще увидите! Вы увидите, что для полного семейного счастья мало одной любви, но еще более нужно эгоистического сосредоточения в маленькой и тесненькой сфере домашнего быта, – нужна значительная доля умственной огра-

ниченности, которая только одна дает человеку силу заткнуть уши от всех других обаятельных звуков бытия и закрыть глаза на все другие обаятельные картины широко раскинувшейся, бесконечно разнообразной жизни... И какая разница в этом отношении, например, между семейственной Германиею нашего времени и общественным древним миром! В первой жизнь так узко, так душно определяется для людей с их младенчества, семейный эгоизм полагается в основу воспитания; во втором человек родился для общества, воспитывался обществом и потому делался человеком, а не филистером.

Несмотря на все желание Фредерики Бремер быть беспристрастною в отношении к увлекшей ее идее, она может отстаивать ее преувеличенную истинность только ложью. Доказательством этого может служить искаженный ею, сколько с умыслом, столько и по слабости таланта, образ Сары – единственного человеческого лица среди толпы этих добрых, милых, но в то же время и дюжинных характеров, каковы все эти Франки, от суходушного их родителя до долгоногой Петреи,

от старой фру Гуниллы до старого же Мунтера. И за то, что эта бедная Сара была выше других и не могла свободно дышать в их бедной атмосфере, – сочинительница заставила ее пасть в бездну несчастья, и как заметно, что не под силу сочинительнице был этот идеал, что не могла она сладить с этим характером и потому так смешно и нелепо заставила больную и умирающую Сару говорить надутые фразы и длинные риторические монологи! А все из чего эта буря в стакане воды? – из того, чтоб доказать всевозможными натяжками, что счастье в идиллии домашнего быта – и больше нигде... Роман Фредерики Бремер читается не без удовольствия, потому что эта писательница не без дарования; но, как все произведения, писанные на тему под влиянием односторонней мысли, его нельзя долго читать без отдыха, и он местами страшно наскучает. Не дочесть его как-то не хочется, а как дочесть, то чувствуешь удовольствие преодоленного труда, – и уж, конечно, никогда не вздумаешь перечесть его вновь.

Перевод очень хорош; – впрочем, мы советовали бы переводчице удерживаться от упо-

требления уменьшительных слов, каковы: дочушка, деточки и тому подобные, которые довольно тривиальны.

Примечания

Семейство, или Домашние радости и огорчения. Роман шведской писательницы **Фредерики Бремер...** (с. 427–431). Впервые – «Отечественные записки», 1844, т. XXXII, № 1, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 1–4 (ц. р. 31 декабря 1843 г.; вып. в свет 2 января 1844 г.). Без подписи, Вошло в КСсБ, ч. IX, с. 69–75.

Перевод романа шведской писательницы Ф. Бремер первоначально печатался в «Современнике» в 1842–1843 гг. Он был выполнен Р. К. Грот, сестрой известного впоследствии филолога-русиста и академика Я. К. Грота, который стоял в близких отношениях к издателю «Современника» П. А. Плетневу. Я. К. Грот просил Плетнева имя переводчицы держать «под печатью секрета» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. I. СПб., 1896, с. 514).

Публикой и критикой появление перевода было встречено по-разному. В самом «Современнике» была помещена рецензия с похвалами и роману, и переводу. Другие, как пишет Белинский, «ничего ровно не видели» в

романе и встретили издание его перевода на-
смешкой. Сеиковский писал о романе, что он
«не в наших читательских нравах». Это «Ла-
фонтеповские Familien-Gemalde <семейные
картины (нем.)>, тихие, кроткие, бесстраст-
ные..., благонравные рассуждения». И Белин-
ский иронически замечал, что Ф. Бремер «не
испугалась» устарелой репутации сентимен-
тально-благонравного немецкого романиста
первых десятилетий XIX столетия и «отважно
сделалась Августом Лафонтепом нашего ве-
ка». Но Белинский, не ограничиваясь этой
иронической аттестацией литературной сто-
роны романа, дает и резкую политическую
оценку тенденций шведской романистики. Он
подчеркивает, что роман с идеализацией в
нем буржуазного брака, филистерства, с осуж-
дением всяких попыток к освобождению от
затхлой мещанской среды не просто старомо-
ден», а принесет вред «для юных читателей».
Белинский выступает с разоблачением лице-
мерия «благонравных» семейственных отно-
шений в буржуазном обществе, осуждает
«эгоистическое сосредоточение в маленькой
и тесненькой сфере домашнего быта», отрыв

от животрепещущих и важнейших общественных интересов.

Рецензия произвела сильное впечатление. Я. К. Грот выступил с пространным откликом на нее, в котором обвинил критика в посягательстве на законы нравственности и в насмешках над христианским воззрением, в проповеди эгоизма и свободной любви (см.: «Москвитянин», 1844, № 3, отд. V, с. 171–186). Критика Грота, таким образом, носила явно доносительный характер на «отрицательное направление» Белинского. «Мы хотели, – заключал свою статью Грот, – ...обратить внимание публики на замечательный образчик того направления, которое да мимо идет нашей современной литературы» (с. 186). Белинский в апрельской книжке «Отечественных записок» в рецензии на «Парижские тайны» Э. Сю (см. наст. т.) дал сокрушительный и бескомпромиссный ответ на обвинения Грота.

Симптоматично, что статья Грота была помещена в «Москвитянин»; это углубило и обострило полемику между «Отечественными записками» и этим журналом. В полемическом плане в данной рецензии важна

также ироническая характеристика «Современника», его сотрудников и тех явно устаревших тенденций, которые были характерны для этого журнала в 1840-х гг. под редакцией П. А. Плетнева. Это означало разрыв с Плетневым и его кружком, где Белинский бывал еще в 1843 году.

Комментарии

См. примеч. 12 к статье «Русская литература в 1844 году».

[^^^]

Белинский иронизирует над «литературным кодексом» круга сотрудников «Современника». Писатели этого аристократического круга еще в 1820–1830-х гг, усиленно защищали тезис о невозможности продавать и покупать сочинения и об отчужденности литературы от полемики и «злобы дня».

[^^^]

Белинский имеет в виду и малый успех в публике журнала «Современник» в эти годы, и «анонимность» его (имя издателя-редактора П. Л. Плетнева в выходных данных журнала не упоминалось, как ранее имя его основателя – А. С. Пушкина).

[^^^]

«Звездочка» издавалась в Петербурге А. О. Ишимовой с 1842 г. Ишимовой покровительствовал еще Пушкин, позднее ее «опекал» круг писателей «Современника». Белинский к журналу относился отрицательно. «Звездочка» всегда была дрянью», – писал он в конце 1844 г. Т. А. Бакуниной (Белинский, АН СССР, т. XII, с. 246).

[^^^]

Я. К. Грот жил в Гельсингфорсе и помещал постоянно в «Современнике» статьи и очерки, посвященные Финляндии; по его рекомендации и в переводах его сестры публиковались произведения скандинавских писателей.

[^^^]

6

Отзывы «Современника» в разделе «Новые сочинения» отличались самым общим характером и крайним лаконизмом (иногда журнал ограничивался только воспроизведением названия книги).

[^^^]

За весь 1843 г. за подписью К. А. Петерсона в «Современнике» было помещено две статьи: «Наполеон и сын его» (№ 3) и «Гейнрих Гейне» (№ 4).

[^^^]

В отличие от других журналов того времени в «Современнике» материалы никогда не располагались в столбцах и между строками давались большие интервалы.

[^^^]

Повести и рассказы Г. Ф. Квитки-Основьяненко особенно усиленно публиковались в «Современнике» в 1840–1841 гг. Весьма положительно оценивал Белинский его произведения в рецензии на повесть «Пан Халявскнй» и в статье «Русская литература в 1840 году» (наст. изд., т. 3, с. 209 и 461–462). См. также наст. т., с. 20.

[^^^]

Не вполне точная цитата из поэмы Пушкина
«Граф Нулин».

[^^^]